

Перед входом в это пещерное поселение вилась узкая тропинка. По обеим её сторонам высились исполинские деревья, словно подпиравшие небо, и густо росла трава. Первую половину пути ещё освещали развешанные у обочины жучиные фонари, но дальше этого блага уже не было.

Если смотреть вдаль, свет постепенно сменялся сумерками, а затем и вовсе непроглядной тьмой, конца которой не было видно. Казалось, будто на том конце тропы разверзлась пасть огромного черного зверя, терпеливо ожидающая, пока путник сам шагнет внутрь.

Кевин стоял в самом начале извилистой тропинки. Скрестив руки на груди, он какое-то время всматривался во тьму, а затем небрежно снял с ветки у обочины жучиный фонарь. Стоило ему сделать шаг, как позади послышался шорох шагов по сухой листве.

— Собираешься осмотреться впереди? — раздался позади низкий голос Освальда, который быстро приближался.

Кевин обернулся и, приподняв бровь, коротко кивнул:

— Что, Ваше Величество желает составить компанию?

Лицо Освальда в неверном свете жучиного фонаря казалось холодным и суровым. Резкие надбровные дуги и глубоко посаженные глаза придавали его красивым чертам какую-то хищную агрессивность. Он повернул голову и поднял руку, явно собираясь позвать Железную кавалерию Уцзинь и зверолодей-гигантов.

— Не нужно никого звать, — Кевин перехватил его руку и опустил её, покачав жучиным фонарем. — Впереди все спокойно, я просто хочу проверить, нет ли там какого-нибудь знака. Фонаря вполне хватит.

Светлые, почти прозрачные глаза Освальда слегка сузились:

— Из твоих уст что ни услышишь — везде «все спокойно»...

Ворча в своей обычной язвительной манере, он тоже потянулся к обочине, снял жучиный фонарь и, мотнув подбородком, скомандовал:

— Ладно, пошли.

Кевин усмехнулся и зашагал вперед широким, размашистым шагом.

Оболочка жучиного фонаря была особым образом обработана и выглядела в руках весьма недурно. При ходьбе она мерно покачивалась и забавно пружинила.

Раньше Освальду было не до этого, но теперь он не удержался, поднес фонарь поближе к глазам и покрутил его, рассматривая со всех сторон:

— Из чего это сделано?

— Из кишок, скорее всего, — хотя вполне можно было выразиться культурнее и сказать «из оболочки», Кевин нарочно выбрал самое неаппетитное слово.

Освальд лишился дара речи.

Он едва сдержал порыв швырнуть эту мерзость Кевину прямо в лицо.

Кевин обернулся и, заметив, как позеленел Освальд, с усмешкой спросил:

— Что, у молодого господина снова разыгралась брезгливость?

«Да этот мерзавец нарочно издевается!» — в сердцах подумал Освальд.

подавив желание выбросить фонарь, Освальд отвернулся, сохраняя на красивом лице ледяное выражение. Посмотрев сверху вниз на шедшего рядом Кевина, он холодно усмехнулся:

— Вы сильны только на словах, господин Фассбиндер. Видели когда-нибудь «молодого господина», который на целую голову выше вас?

Освальда и раньше корбило от того, что Кевин поддразнивает его с покровительственным тоном старшего, а тут его слова и вовсе угодили в самую цель. Иронию в обращении «молодой господин» он подчеркнул с особым нажимом.

Кевин фыркнул:

— И что с того? Не считая зверолодей-гигантов, рядом с тобой почти каждый кажется коротышкой.

Он продолжал шагать, но вскоре плавно покачал жучиным фонарем и резко замер.

— О, пришли, — вздохнул он.

Освальд остановился и, поборов брезгливость, поднял жучиный фонарь повыше, чтобы осмотреться. Извилистая тропинка под ногами обрывалась. Впереди не было и намека на дорогу — путь преграждали густые заросли кустарника выше человеческого роста. Его толстые, острые ветви тянулись строго вверх, сплошь покрытые частыми колючками.

На первый взгляд это напоминало гигантский, аномально разросшийся терновник. Однако кусты росли не сами по себе: вьющиеся стебли с обеих сторон тропы оплетали их от самых корней, буквально сливаясь с колючими ветвями. Крупные мясистые листья свисали плотной завесой, надежно скрывая все, что находилось за этой преградой.

— И это всё? — нарушил молчание Освальд. — Дорога обрывается прямо здесь? Но где тогда Гробница Бога Фаэ?

Кевин покачал головой, шагнул вперед и наклонился у самого края тропы. Разворошив несколько переплетенных стеблей, он указал подбородком вниз:

— А вот и земляная стела.

Там, куда он указывал, из влажной земли косо выступал обломок квадратной медной плиты.

Трудно сказать, сколько веков назад ее здесь установили. Металл покрывала плотная зелено-голубая пatina, которая почти полностью скрывала надпись, источая дух древнего тлена и забвения.

Кевин переложил жучиный фонарь из левой руки в правую и поднял его над самой верхушкой земляной стелы. Тусклый желтоватый свет падал сверху вниз, позволяя разглядеть под налетом патины слабые контуры вырезанных знаков, однако они слишком сильно стерлись от времени.

— Что там написано? — Освальд нахмурился, сделал пару шагов и опустился перед земляной стелой на корточки. Некоторое время он шурился, пытаясь рассмотреть знаки, но затем, словно признав поражение, слегка отклонился назад и просто положил ладонь на шероховатую поверхность.

Заметив это, Кевин иронично хмыкнул:

— Ты умеешь читать пальцами? И что, разобрал хоть слово?

Освальд лишь скользнул по нему взглядом, не устаивая ответом, и продолжил медленно водить пальцами по строкам, прощупывая каждый выступ.

Из-за глубоких наростов патины дело шло медленно, но Кевин не мешал ему и не торопил. Рука, державшая фонарь на весу, уже начала затекать. Оглядевшись в поисках опоры и ничего не найдя, Кевин без лишних церемоний уселся прямо на землю, прислонившись спиной к обратной стороне земляной стелы. Локоть он пристроил на ее верхнем краю, так что жучиный фонарь свисал в нужном положении, а сам вытянул скрещенные длинные ноги. Вид у него при этом был на редкость безмятежный.

Освальд недовольно покосился на него из-под полуопущенных век, но вернулся к своему занятию.

Прошло немало времени, прежде чем Кевин лениво сменил позу и носком сапога задел лодыжку Его Величества Императора.

— На какой ты уже строчке? — поинтересовался он.

— Ты можешь хоть минуту посидеть спокойно? — проворчал Освальд, косясь на его ноги. — Убери свои конечности и не трись об меня.

Кевин промолчал, подумав про себя: «Имей совесть, пнуть и тереться — это совершенно разные вещи».

По какой-то причине после этого легкого пинка Освальд стал выглядеть еще более раздраженным. С суровым лицом и нахмуренными бровями он демонстрировал полное нежелание общаться. Лишь спустя пару минут он наконец отряхнул ладони от медной пыли и поднялся во весь рост.

— Закончил? — Кевин поднял на него голову.

— Угу, — буркнул Император едва ли не носом. — На земляной стеле сказано, что здесь начинается проход к Гробнице Бога Фаэ — обители, где покоится тело бога. Вход сюда заказан для смертных. Любой вошедший совершит святотатство против Божества и навлечет на себя самое страшное проклятие.

Он сделал паузу и с недовольным видом добавил:

— Дальше идет бесконечный список проклятий, сулящих кару до седьмого колена. Если в двух словах — незваный гость сгинет без погребения, а его род пресечется.

Кевин лишь приподнял брови и понимающе протянул «о-о», оставшись совершенно невозмутимым.

Поскольку один стоял, а другой сидел, разница в их росте казалась сейчас колоссальной. Освальд опустил веки и несколько секунд пристально наблюдал за выражением лица собеседника, после чего негромко заметил:

— Похоже, тебе давно известно содержание этой земляной стелы.

— Вот как? — уклончиво отозвался Кевин.

В этом человеку порой крылась поразительная странность. Несмотря на обилие загадок вокруг его персоны, казалось, самого его это ничуть не заботило. Он никогда не заговаривал о прошлом по собственной воле. Пока не спросишь — слова не вытянешь. А если и спросишь, он попытается уклониться, причем настолько небрежно, что фальшь бросалась в глаза. Но стоило надавить на самое больное место, как он либо отделялся байкой, в которую поверит разве что глупец, либо без лишних слов признавался во всем.

Словно любые вещи, важные или пустяковые для остальных, для него не стоили и выеденного яйца.

— Ты здесь уже бывал, — Освальд даже не стал прибегать к вопросительной интонации, утверждая это как неоспоримый факт. Он скрестил руки на груди, явно вознамерившись устроить допрос на месте. — Ты прекрасно ориентируешься на Холмах Седой Головы и у Водопада Вечной Жизни, знаешь, какие твари водятся под этой землей, а теперь еще и безошибочно отыскал надежно спрятанную древнюю медную плиту... Сомнений нет, ты уже приходил сюда раньше.

Кевин прикрыл ладонью свет от жучиного фонаря и промолчал, что было равносильно согласию.

— Такое место мало подходит для праздных прогулок, скорее уж здесь проще простого расстаться с жизнью, — Освальд обвел взглядом окрестности и продолжил: — Так зачем ты приходил сюда прежде?

Не успел Кевин вставить и слова, как Император кое о чем вспомнил:

— Твоя особенность... то, что тебя нельзя убить, не пронзив сердце... Это как-то связано с этим местом?

Услышав это, Кевин поднял голову и пристально посмотрел на него, изогнув бровь.

<http://bllate.org/book/18285/1753210>